

ПРОГУЛКА ПО

САДАМ

ХОРСА

ДЕНИС ГРУШЕВСКИЙ

Денис Грушевский

Прогулка по садам Хорса

«Издательские решения»

Грушевский Д.

Прогулка по садам Хорса / Д. Грушевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517507-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В книгу современного писателя Дениса Грушевского вошли: «Прогулки по садам Хорса» — блестящее повествование о писательском искусстве, о воплощении творческих замыслов в произведениях, что за ними стоит, как это отражается на людях и на картине внутри. Творчество о добре и зле, о взаимной помощи, о товарищеских отношениях; «Сказ о том, как Сталин Горбачёва в бане купал» — лёгкий очерк о жизни «после» великих политических деятелей. Это увлекательное жизнеописание бывших этактистов.

ISBN 978-5-00-517507-6

© Грушевский Д.
© Издательские решения

Содержание

Прогулка по садам Хорса	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Прогулка по садам Хорса

Денис Грушевский

Редактор Анна Константиновна Андриянова

Дизайнер обложки Анна Константиновна Андриянова

© Денис Грушевский, 2020

© Анна Константиновна Андриянова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7507-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прогулка по садам Хорса

Писатель отправился к праотцам. Израсходовался подчистую, так что ничего не оставалось делать, как опочить вечным сном. По такому жгучему случаю приглашён был на отпевание отец Ануфрий – настоятель прихода святителя Николы в Студенцах. К слову, приглашался отец Ануфрий и на отходную молитву, когда писатель без сознания коротал последние часы своего брэнного существования. Тогда не сошлись в цене. Злопамятный батюшка в тот раз удивил родственников задранными втрое расценками своего и без того лохматого прайс-листа.

Штука в том, что на писателя у отца Ануфрия уже не первый год обида зрела. Было отчего. Всякий раз, высказывая своё мнение по поводу мирского поведения вышеозначенного отца, противный писатель позволял себе непростительные вольности. Вот и в последнюю встречу неуклюже ворочая увесистые, как валуны, слова, назвал писатель настоятеля: классическим барыгой, обёрнутым в мантию, при этом мастерски фарцуя мистикой да завиральными сказками и знатным фокусником, обращающим веру в банковские билеты. Двумя неделями ранее тот же самый писателишка обсмеял отца Ануфрия, встретив последнего на базаре. Точнее поглумился даже не над самим отцом, а над его церковным именем. Так, чтобы все базарные ряды наверняка услышали, расшифровал в тот пасмурный день писатель имя «Ануфрий», переведя его значение с древнеегипетского языка. Выяснилось следующее: «Ануфрий» переводилось с древнего языка страны Кеми как «священный бык», а мужчины, присвоившие себе такое имя, всегда имели сложную судьбу. По разумению писателя в данном случае всё сложилось как нельзя, кстати, и просто изумительно совпало, ведь «священный бык» одно и то же, что «божья корова». Как такое стерпеть, когда прямо при прихожанах и прочих мирских да точно в лоб? Благо всегда под рукой имеется шайка-лейка ортодоксально настроенных поборников, коих, и просить не надо о заступничестве. Сами налетят, будто ватага бездомных псов на брошенную кость. Моргнуть не успеешь: заклюют твой парашют стаи сдвинутых птиц. Так тогда и получилось. Погнали писателя с рынка, едва целым остался. И никаких уступок такому заблудившемуся чаду. Только в три раза задранная цена на услуги. Был бы как все, тогда и разговор сложился иначе... Вон, некоторые своим послушанием и постоянным жертвованием умудряются скидку себе заработать.

Когда пришёл час литератора, то отец не отказался от своего решения. Этому безбожнику никаких поблажек. Хотят родственники облегчить душе его мытарства – пускай, как следует, раскошелятся. Тройной гонорар за святое терпение отца. Точка. На отходную молитву поспешили... На отпевание пришлось тряхнуть мошной, а то совсем не по-христиански как-то получается. Забыв про все обиды прежде всего ввиду того обстоятельства, что деньги не пахнут, подобрал святой отец к обеду подол своей юбки, прихватил кадило и чётки, да поскакал отпевать ненавистного ему писаку.

Отпевание проходило в привычной для таких случаев обстановке: родня угрюмая лицами, безутешная вдова, дружки-собутельники, да жалобно подмякивающая кошка. Вот и весь нехитрый отряд, вытянувшийся по стойке смирно, мечтающий чтобы поскорей всё это закончилось. Интересные процессы бурлят в головах у каждого второго. Например, родная дочь стоит и подсчитывает предполагаемый «кусочек от наследного пирога». Заботит её в данный момент более всего, как бы пожирней ломоть откусить, да чтобы вдове поменьше досталось. Вдова, подобно ясновидице, читающей мысли на расстоянии, глядит на падчерицу и думает иначе... С точностью до наоборот. Большую часть себе приписывает, а четверть готова пожертвовать отпрыскам. С ней не согласен, естественно в уме, младший, но уже весьма проворный сынишка. А настоятель знай себе, поёт свои печальные зауспокойные молитвословия. Поёт не искренне, без души. Лямку тянет, а не поёт. Копейку отработывает. Сам не менее других заинтересован в скорейшем сворачивании. Вот тут глаза писателя и приоткрылись. Словно

из омота хмельного вынырнул. Сел посреди гроба и первые секунды ничего не понимает. У окружающих на писателя ноль реакции. Только батюшка разошёлся под конец так, что перевалил своим голосом с альта на сопрано.

– Ах ты, надувной поп – бездонный рот! Ты чего это тут расстарался? Ты чего это тут раскукарекался? На свадьбе поел, на поминки прилетел? Ряса требует мяса? – развеселился писатель от такого концерта. Подумалось ему в тот момент, что участвует он в розыгрыше.

– Аминь! – завершил меж тем таинство отец Ануфрий, совершенно не замечая окликов покойного. – До 40-го дня прочитывать Псалтырь по три раза полностью! – Давал настоятель последнее наставление. Наступила развязка и самая приятная часть всей процедуры. Поп жадно протянул свободную от кадила ручку, глазки при этом блаженно задрал к небесам.

– Ой, конечно же! – спохватилась вдовушка. – Одну секунду, батюшка.

– Почему так дорого? Может, сойдёмся на половине цены? – не выдержала любимая тёща.

– Слабовато ты, дочь моя, своего зятя ценишь, – отрезал поп. – Скажи спасибо, что так! Мы ведь кого только что отпевали? Молчите?.. Праведника благочестивого? Быть может, мученика добросовестного или же брата во Христе? Как бы не так! Включай голову, подсказываю без подвоха... Правильно киваешь: отпевали мы известного на всю округу богоборца. Должно быть каждому понятно, что на отпевание богоборцев, самоубийц, иноверцев и некрещёных у святой церкви наложено табу. Так что будет вам скряжничать. Случай дюже исключительный.

– Ай, маменька! Вечно вы, куда не надо, залезете, – вовремя прибежала вдова с тугим кошелём. – Без вас давно уже сговорились.

– Молчу, молчу! – попятилась в сторонку старуха. – Благословите, святой отец...

– Благословляю! – нетерпеливо перекрестил тёщу поп, а сам раскрыл ладонь. Тут же в ладонь эту щедро насыпали монет. Поп задумчиво горсть медяков да серебряников в руке взвесил, и, видимо оставшись довольным, собрался было отчалить.

– Ау, Клавка! Ты чего, совсем рехнулась? – закричал писатель. – Ты куда деньги кладёшь? Обратно из этих цепких лап ведь не выдернуть!..

– Поминальное молитвословие за упокой души усопшего на сорок дней заказывать будем? – выдал батюшка на прощание, будучи уже одной ногой за порогом.

– Мы подумаем... – живо подключилась тёща, явно желая поскорей закрыть эту неприятную тему.

– Вряд ли нам сейчас такое по карману, святой отец, – горюнилась дочка. – Как-нибудь в другой раз...

– Стоять на месте, поп! – совсем растерялся писатель. – Держите его, дуры! Иначе говоря, сбежит сейчас с деньгами...

– Не горлопань! Ишь ты, расшумелся на собственных похоронах, – вдруг откуда-то сверху осадил писателя старушечий голос. – Всё одно: им тебя не слышно и не видно. Только сердце по-пустому надсадишь. А оно у тебя и без того биться перестало.

– Это что ещё за скрипка пищит? – нервно бросил писатель, а сам соскочил с гроба да попробовал ухватить попа за рясу – сразу же не получилось. Руки провалились в поповском наряде, как если бы тот был неосязаемым туманом.

– Хи-хи! Во дурень! – обозвался всё тот же скрипучий голос.

– Да где ты, старая кляча? Покажись хоть, – задрал писатель голову кверху.

– Запрыгивай сюда и увидишь, – продолжал удивлять голос.

– Кто ты? – недоверчиво повторил свой вопрос писатель.

– Бабушка! – ответил голос.

– Как к тебе попасть, бабушка? – в недоумении писатель наконец-то начал разглядывать окружающую обстановку. Ничего не укрылось от цепкого писательского взгляда. Начало закрадываться нехорошее предчувствие.

– Прыгай к потолку, там разберёмся, – бредом отвечал голос, назвавший себя бабушкой. Подумав, что хуже уж точно не будет писатель, что есть силы, подпрыгнул...

* * *

Неведомая сила во время прыжка подхватила писателя и подбросила к потолку. Оглянувшись назад на какую-то долю секунды, рассмотрел писатель общую целостную картину: собственные похороны, гроб с самим собой внутри да прочая мирская суета атаковали разум писателя. От прозрения язык приклеился к небу. Попробовал писатель закричать, набрав, как должно, воздуха в лёгкие, а на деле вышло невзрачное коровье мычание. Затем его затянула появившаяся тут же воронка, да выкинула по другую сторону действительности. Сменив реальность, писатель перво-наперво огляделся. Получилось так, будто там, на похоронах его затянуло в потолок, а тут вывалился бедняга, наоборот, из погреба. Выскочил залихватски, будто клин, вышибаемый клином. Уселся посреди какой-то деревянной избы и опухшие глазки трёт. В себя помаленьку приходит. Огляделся, а сам инеем покрылся от свалившегося горя.

Изба носила традиционный характер. Деревянный сруб из вековых сосен внутри себя таил множество загадок. Так, в числе прочих, бросалась в глаза огромная русская печь, на которой в данный момент грелась облезлая кошка. Странными были размеры печи, её поддувала и рядом стоящего ухвата. Размерами такими только что пугать, ведь если постараться, то запросто можно самого писателя усадить в чугунок да посолив, поперчив и посыпав сверху тёртым сыром, отправить запекаться. За печкой настораживала остальная домашняя утварь. Точно угораздило писателя приземлиться в логове ведьмы или в сказочной избе на курьих ножках. Присутствовала паутина с огромными пауками в придачу. Различные склянки с мухоморами, жабами и скорпионами внутри. Старобытная узорчатая прялка возле единственного окошка, огромный самовар посреди стола, украшенный бусами из бубликов. Под потолком сушились многочисленные снопы всяких трав и почему-то дремали летучие мыши.

Писатель громко икнул. Сразу же из-под скамьи выскочила хозяйка избы и по совместительству допотопная старуха. Выскочила да не теряя времени, противно защебетала, словно подбитая сорока.

– Ну, вот мы наконец-то и свиделись! Счастье-то какое! – прыгала на месте назвавшаяся бабушкой. – А где обещанные руки-базуки, по-вашему, земному? Один ведь генералиссимус среди бездонных дегенератов умудрился отрастить... Что опять за туфтяндия? Какие-то спички горелые вместо рук... А на запястья и вовсе без смеха не глянешь. Веточки хиленькие, а не запястья! Обхотаться можно, ей-богу! Ты чего, при жизни этими ручками только в носу и ковырял? Палочки для чистки ушных раковин и те будут мускулистее. Да у любой Алёнушки – дочки купеческой, бицепсы или трицепсы, я уже молчу про ягодичы – в два, а то и три раза шире. Взять хотя бы ту Настеньку – эгоистку и любительницу цветочков аленьких, которая, не успев пережить первую овуляцию, заказала папашке невесть что, точнее, подарок недосыгаемый. Заметь: всем им хлеще воздуха и просто позарез нужны подарки. Без подарков никакой любви. Не зря ключница Пелагея втирала баки писателю Аксакову. Ой, как не зря! Удача без расчёта на отдачу. Ловчее ловкого закамouflировали зло... Первые сестрицы, почестному выразившие свои потребности, значит в пропасть, а Настенька – святая! Пересказывать не хотелось бы, но Настенька ещё и с чудищем заморским в итоге сголубилась, зная, не зная, какие последствия её могут ожидать. Так вот, у всех этих девиц плечи, как и положено, были уже таза, а у тебя чего? Где широкие плечи? Где кадык мясистый? Ладно, отвлеклись мы... Дьявол с этой Настенькой и руками-базуками на пару. Сойдёт и так. На безрыбье и рак – мясо! А меня от этого одиночества тошнит уже. Хоть бы кто-нибудь заглянул, хоть разок в жизни выгулял старушку. Коли на то пошло: ни разу я в кино не приглашалась, в луна-парке не гуляла, театра не посещала... Да и хрен с ними с этими театрами. Театры если и не есть вред, то болтаются где-то рядом. Ладно бы хорошие спектакли крутили, спору ноль,

так нет же, навадились одну пахабщину в последнее время выкладывать. Голыми пиписками зачастую щеголяют прямо на сцене! Куча навозная, а не театр. Говорил ведь когда-то товарищ Ленин наркому просвещения – Анатолию Васильевичу Луначарскому: театры советую положить в гроб. Абсолютно с ним согласна. Таким театрам там самое место. Любопытное дело: один враг – калмыцкой и еврейской крови советует другому врагу – талмудическому иудею как поступить с русским искусством, а на деле да временном отрезке в один век оба оказываются правы. Театр к величайшему сожалению, почитай, выродился.

– Сон разума рождает безумство, – задумчиво пробормотал писатель. Сам же оценочным взглядом смерил старушку.

Старуха была явно не из рядовых. По своей уродливости и возрасту походила на сказочную Бабку-Ёжку – костяную ножку. Ту самую, которая с печки упала, ножку сломала. С левой стороны обезображенного морщинами лица торчал у неё одинокий клык, покрытый паутиной кариеса, а на правой щеке висела здоровенная волосатая бородавка. При этом при всём, старуха явилась по-идиотски накрашенной, с подведёнными глазками и накладными ресницами. Обильно сдобренное тональным кремом лицо от подобного слоя штукатурки смотрелось настолько нелепо, что и представить невозможно. Три волосины, а именно только так можно было назвать старушечью шевелюру, являлись покрашенными под блондинку и уложенными в современную причёску. Одежда старухи поражала ничуть не меньше. Зауженные джинсы заканчивались женскими мокасинами телесного цвета, а маечка прятала под собой лифчик-невидимку с силиконовыми вкладышами. Чашечки эти размером своим походили на твёрдую четвёрку, не меньше, поэтому старухе под их тяжестью волей-неволей приходилось гнуть спину. Бабуля определённо для чего-то, а может и для кого-то, молодилась.

– Сказочный заход! – продолжала веселиться столетняя модница. – И год-то какой выбрал... Скажете случайность? Ни за что не поверю! Ух, радость-то какая! Сейчас баньку истопим, пирожков напечём...

– Постой! Где-то я тебя уже видел, – встал с пола писатель. – Надо же: развалюха развалюхой, а вырядилась, как девчонка перед дискотекой. Отвечай по существу: ты Баба Яга что ли?

– Что ты, Ванюша?! – прикидывалась шлангом бабка. – Баба Яга – то моя внучка. А я попросту Альма-матер всякой ведьме или колдунье.

– Какой я тебе Ванюша, старая? – недоверчиво покосился на бабку писатель.

– Спрашиваешь! Тот самый Иван-дурак, который всю эту химеру, донельзя испещрённую нелепыми вычурами, и породил. Такое только дураку под силу, – ни секунды не думая, ответила бабушка Бабы Яги.

– Скажешь тоже, – крайне обомлел писатель. – Меня и звать-величать по-другому.

– Важно не то, как звать, а то, что дурак! Запомни сам и детушкам своим расскажи: «дурак» всегда первично по отношению к имени, – продолжала чудачить старуха. – А уже к дураку любое имя приставляй, суть от этого не изменится. Тут или крест снимите, или трусы наденьте, другого не дано...

– Да пошла ты! – обиделся писатель. – Где у тебя выход?

– Не суетись! Сядь, посиди. В ногах правды нет, – перевела рельсы старуха. – Чайку попьём, о том, о сём потолкуем. Поначалу все так ерепенятся, а опосля чаепития любого возьми – никаким дымом из избы не выкурить...

– Чего ты ко мне привязалась? – недоумевал писатель. – Я что, какой-то особенный?

– А перстенёк-то у тебя как блестит... залюбуешься! – оставила бабушка вопросы без ответа, попросту не обратив на них внимания. – Чайку изопьём, в баньке попаримся, спать ляжешь: так выспишься как в самом детстве. А за перстенёк не беспокойся. Тут ему ничего не угрожает. Максимум, что с ним может случиться, так это уменьшение в размерах или подмена металла с золота на медь. Так разве это горе? Бывают случаи и страшнее. Забудь, одним

словом, про свой зачётный перстенёк. Другое сейчас важнее. Самогонки или бражки плеснуть для поднятия тонуса? Вот чем голова должна быть забита.

– Ладно, давай тащи на стол обещанное, – схитрил писатель, решив повыведать основное во время застолья. Уж очень до боли знакомой казалась ему старуха. Вдруг припомнилось ему, как на заре своей писательской деятельности, изображал он подобную бабушку в коротеньком юмористическом рассказике. Рассказик этот так и остался неопубликованным, и практически стёртым из кладовых памяти. Сейчас пришла пора немножко его извлечь. Извлекался рассказ трудно, как если бы он был вездеходом, потонувшим в болоте, а тащили его на свет божий при помощи верёвки и старенького мотоцикла «Урал». В итоге извлёкся фрагментарно, ничего особенного писателю не открыв. Одно было ясно: старуха родом из того рассказа. Или получилось её предвидеть и описать, или же она галлюцинацией явилась теперь, спустя годы, чтобы потрепать расшатавшиеся писательские нервишки.

– Любо! Любо, дружочек! А я уж забеспокоилась, что попался мне пограничный в психологическом плане человек, – резвясь, принялась старуха делать праздничным стол. – В последнее время только такие и попадают. Пена сплошная, а не люди пошли! Спасу нет!

– Наливай, старая! Хватит балаболить о пустом, – попробовал перехватить инициативу писатель. – Ну и язык у тебя... Им же можно траву косить. Заточен точно бритва.

– Заметно сразу: мало тебя в детстве пороли, – тащила инициативу по другую сторону стола в обратном направлении старуха. – Взять хотя бы тот самый случай, когда в третьем классе ты стянул у папани табакерку да на уроке грамматики с мальчишками нюхнули табачку. Чихали потом на весь класс, обчихали всех девчонок... табачок от чиха поднялся в воздух, отчего и сами девчонки зачихали пуще вашего. Какое, спрашивается, наказание тогда нашло зачинщика? Полчаса стояния в углу голыми пятками на сухом горохе и всё! Тоже мне, наказание! Разве так наказывают? Наказали так, словно соломинкой выпороли. Эх, раньше надо было учить! Теперь поздно...

– Ох и схлопочешь ты когда-нибудь за свой язык, – сетовал писатель, а сам для придачи сил запрокинул стакан пахучего деревенского самогона. – Фу, какая гадость... Не умеешь гнать – не берись...

– Хорошенькое мероприятие! – возмутилась бабуля. – Нет, вы только посмотрите на него! Как вам это?! Лилипут вздумал обучать Гулливера кораблестроительству.

– А вот пирожок действительно хорош, – поменял тактику писатель, закусив. – Со щавелем? А мясные пирожки есть?

– Другое дело! – тут же расположилась бабуля. – Не угадал – с травой лимонной. А мясные ещё как будут. И мясные будут, и кровяные... Позже...

Незаметно писателя затянуло в беспшашное застолье. Веселились, выпивали, закусывали. Травили анекдоты, байки, весёлые шутейки. На каком-то этапе, писатель заметил, будто бы бабка с ним кокетничает. Так в итоге и оказалось. Оставив стыд и срам где-то далеко за семью ветрами, бабушка Бабы Яги то пощипывала писателя за ягодицы, то, приобнятая писателем по-дружески, чмокала того в щёчки, а то и вовсе плюхнулась своим костлявым задом на коленки. От хмеля подобные шалости перестали вызывать отвращение, да и сама саблезубая ведьма начала казаться лет так эдак на тридцать моложе. Бесстыдно хлопая своими накладными ресницами, старуха после третьего стакана так распоясалась, что полезла писателю под рубаху. Здесь вихрь алкалоидов, бурно кипящий в сознании, на миг уступил место рассудку. Бережно, чтобы не обидеть, писатель сперва изострил мужеством сердце да ратным духом исполнился, после чего те ручки от себя отстранил. Бабка не обратила на это никакого внимания. Напором своим старуха превосходила Ниагарский водопад.

– Нежнее, соколик! Ещё нежнее! Дастись фантастично! – орала бабуся, подсовывая себя в объятия. – Скоро банька стопится. Уж я тебя там попарю! Так попарю, что в ушах небесные рожки загудят, а позднее из них же дым повалит.

Писатель боролся с собственными мыслями как мог. Как будто на плечах у него сидели бесёнок и ангелочек, да каждый в данную секунду гнул свою линию. Пока что бесспорно побеждал бесёнок. По концентрации идиотизма на квадратный сантиметр, вся эта история начала затмевать собой случай, произошедший в 1914 году. Тогда британский солдат Генри Танди, который среди рядовых был отмечен самым большим количеством медалей во время Первой Мировой войны, прошёл мимо безоружного и раненого Адольфа Гитлера, валявшегося в канаве, но почему-то решил его не добивать. Вероятнее всего те злые ветры, которые отвяли душу писателя от его же тела, в данный момент переключились на разум, желая унести и его куда-нибудь подальше за горизонт. Бабушка Бабы Яги слурела в край и, уже совсем не стесняясь, обнажала свои обезвоженные, подобно лесной сушине, коленки. С другой стороны в какой-то момент к ней подключилась облезлая кошка, которая до того мирно дрыхла на печи. Явно не желая пропускать подобное мероприятие, кошка эта занялась жалобным мяуканьем, то есть самым натуральным наглым попрошайничеством вкуснятинки со стола. Писателя начало мутить. На правое плечо с потолка по паутинке незаметно опустился здоровенный паук. Увидав такого соседа, писатель резко подскочил на месте.

Вот тут-то и началась развязка данной вакханалии. За окошком вдруг резко начало темнеть. Во второй раз за несколько дней, солнце для писателя утратило свой свет. Алое вино, смешанное с горечью, а может и молоко с беленой, коими ведьма потчевала писателя, мощным залпом вырвалось наружу. Враз потемнело как ночью. Снаружи избы начали раздаваться какие-то посторонние звуки. По мере своего приближения, звуки эти возрастали, пока не превратились в громоподобные грохоты. Бабушка сразу же от страха лицом побелела, несмотря на весь сантиметровый слой тонального крема. Облезлая кошка, смекнув, что пиршество окончено, а значит ждать хорошего более нечего, кошачьим предчувствием своим, уловив беду, испарилась из виду со скоростью вырвовавшегося из светила фотона. Тем делом кто-то постучал в дверь, а затем и в окно... Более того, показалось, что избы начали расшатываться. Дьявольским гортанным хрипом с улицы произнесли: «Отдай его немедленно нам!» Бабка изменилась до неузнаваемости. Отбросив в сторону всё кокетство да прочую придурь, старуху теперь кололо, будто её катили на спущенном колесе по бездорожью. Поборов оцепенение, и кое-как совладав с собой, она резвостью своей, обогнав любую макаку, схватила писателя да потянула к люку погреба.

– Скорее! – перейдя на шёпот, трясущимися губками молила бабуса. – Тебя не станет, тогда и все мы пропали. За тобой явились... Беги, соколик! Беги!

С этими нерадостными словами, бабуля, не дав писателю опомниться, открыла люк погреба да в него писателя спихнула. Полетел писатель кубарем. Пролетел метра три, да упав, больно треснулся копчиком о землю. Сразу подскочил, огляделся. Наверху остался пол избышки, а стояла она действительно на курьих ножках диаметром своим, не уступающих доброду тополю, каждая. В данную минуту ножки эти от страха переминались с ноги на ногу, отчего изба наверху заходила ходуном. За периметром избышки в тот миг маячили какие-то явно недобрые сущности, а тени, испускаемые ими, видны были даже в кромешной темноте. Пустота, беременная монстрами, да и только. Неожиданно звон битого стекла с последующим треском разрежали пространство. В избе наверху началась невообразимая суета, закончившаяся душераздирающим воплем. Вероятно, одна из злобных тварей высадила оконную раму и просочилась внутрь. За визгом, от которого волосы зашевелились на голове, через щели в полу и погребную крышку на писателя закапал дождик из тягучей багряной массы. За секунды дождик превратился в ручеёк, а в воздухе запахло свежей кровью. Судя по всему, бабулю укололи и распотрошили, причём сделали это, даже глазом не моргнув... Вжался писатель в одну куриную ногу, да удумал было пропадать, как неожиданно спасение пришло оттуда, откуда писатель и вовсе не ждал. Вдруг из темноты прямо к писателю гуськом подскочил Алексей Егоров – он же автор и ведущий замечательной передачи «Военная приёмка».

Мелькнуло в головушке писателя, что не так давно помечал он данного ведущего в своём небольшом очерке. Опять загадка. Правда, времени на отгадку Алексей не дал ни микросекунды. Приложив указательный палец к губам, а самого писателя сложив гуськом подобно себе, ведущий повёл писателя прочь от данного чёртова места. Прикрываясь мелким кустарником, добрались эти двое до лесополосы где, пробежав ещё пару километров, писателю было велено лечь в кусты, как назло рядом с муравейником, да лежать, притворяясь мёртвым до восхода светила.

* * *

С приходом голого света, который удумал появиться часов так через десять после ночного кошмара, писатель не выдержал и, весь искусанный муравьями, выскочил из своего укрытия. Рядом на небольшой полянке дремучего непроходимого леса хлопотал Алексей Егоров. Хлопотал, прежде всего, возле огромной военной машины, пытаясь оную завести. Техника на грани фантастики всячески сопротивлялась и наотрез отказывалась слушаться ведущего. Убим, а это был именно он, расшифровывался как «Универсальная бронированная инженерная машина», а предназначался для прокладки дорог, разминирования, строительства насыпей и преград, а так же прочих армейских нужд. Только когда Убим, как полагается, словил нагоняй от Алексея и был назван бесполезной консервной банкой, мотор откликнулся приятным рычанием. Алесей Егоров тут же надел танкистский шлемофон, да полез было в кабину, совершенно не обращая внимания на писателя...

– Постой! А как же я? – робко промямлил писатель.

– А что ты? – невозмутимо отвечал Алексей. – Топай по проложенной колее и порядок. Убимка для того и создавался, чтобы такие как ты могли спокойно преодолевать препятствия. Ступай по следам от наших гусениц, и рано или поздно выйдешь к людям.

– Быть может, мне лучше с тобой поехать? Честное благородное слово – не помешаю, – с надеждой в голосе обронил писатель.

– Что ты!.. Нашёл о чём просить!.. Военная тайна! Машина засекречена, и только проходит первые испытания, – категорически отказал Алексей Егоров и, прежде чем браво газануть, добавил: – Думать надо, прежде чем рот открывать!

Всего за какие-то пару минут грозная машина исчезла из виду, валя на своём пути любые деревья и кустарники. Лишь где-то впереди всё ещё раздавался раскатистый вой мотора. Ничего не оставалось, как двинуться в путь по зачищенной просеке. В остальные стороны, куда ни глянь, везде присутствовала одна непролазная чаща. Движение началось вяло, безрадостно, даже можно сказать где-то местами уныло. Оно и понятно: неподготовленному человеку в лесу всегда сложно, а тут писатель, тяжелее карандаша да стакана отродясь в руках ничего не державший. Брёл горемыка, спотыкаясь о пеньки и валежники... Нестерпимо жалила вся кровососущая лесная сволочь. Гнуса было столько, как если бы неподалеку имелось болото или какой другой рассадник, но никакого водоёма, хоть убей, по пути не попадалось. – Уж лучше бы меня слопала та нечисть, которая освеживала старуху, – думалось писателю в особо трудные периоды минутных слабостей.

– Ау! – орал писатель, иногда делая короткие остановки. – Есть кто живой?

– Ку-ку! Ку-ку! – отвечала ему кукушка с дерева.

– Кукушка, сколько мне жить осталось? – спросил в какой-то момент писатель.

– Аллах его знает! – отвечала человеческим голосом кукушка. – До обеда, думаю, протянешь, а там два варианта: либо заново скопытишься, либо поболтаешься ещё чуть-чуть в качестве заготовки.

От бессильной злобы, запустил писатель в кукушку шишкой, да не попал. Шишка отскочила да прямо лакомившемуся малинкой неподалеку мишке в лоб. Мишка рассердился и ногою топ... Пришлось от такого пассажи со скоростью реактивной торпеды забираться

на кедр и переждать пока косолапый не исчезнет. Главное горе, однако, ждало писателя далее. Пропутешествовав ещё с несколько часиков, да набив себе все мыслимые и немыслимые синяки и царапины, а от ягод неизвестных оскомины во рту получив, писатель упёрся в тупик. Ничего не понимая, уставился он на забор из молодых ёлочек, коим заканчивалась дорога. Ни вправо, ни влево не шло, ни единой тропинки. Складывалось ощущение, что Убим попросту испарился, или же обретя вертолётный винт, поднялся в небо да бывал таков. Ещё выходило, будто Алексей Егоров писателя по-свински надул, а может и совсем посмеялся забавы ради. Может и того хуже: писателя выставили подопытным кролем для очередной серии «Военной приёмки». Одним словом, оказал Алексей Егоров писателю медвежью услугу – окончательно того заблудил. Поразмыслив с полчаса, набравшись сил, писатель свернул вправо, да принялся пробираться сквозь двухметровую крапиву. Через минуту писателя стало не узнать. Все незащищенные одеждой участки тела покрылись огромными волдырями.

– Кто-нибудь: помогите! – орал писатель, а голос с каждым разом становился всё тише и тише.

– Ставлю червонец на первый вариант, – злорадствовала с дерева кукушка, преследовавшая писателя. – Ты уже сейчас подобен флюсу. Осталось каких-нибудь десять минуток и прощай, станок сверлильный и родной завод, браток. И до боли мелодичный в пять часов его гудок.

– Ступай, отравленная сталь, по назначенью! – Зашвырнул писатель в чересчур разговорчивую кукушку на этот раз камнем. Едва не попал. Осознав опасность собственной беспечности, кукушка полетела подкладывать яйца в гнёзда трясогузки, щегла или пеночки...

Через сто шагов, которые на деле казались тысячью, чуткий писательский нюх уловил едва различимый запах дыма. Радости полные штаны словил писатель, и как собака-ищейка побрёл по запаху. Ещё через сто метров действительно вывалился писатель на маленькую прогалинку, на которой «о чудо» какой-то солдатик в суворовском мундире варил обед в котелке над костром.

– Здорово, служивый! – изображая своего парня, подкатил писатель.

– Здоровей видали! – не оценил того подката мутный, точно лужа, вояка.

Солдатик, помимо истрепавшейся формы, имел винтовку с отломанным прикладом, тупую всю в зазубринах саблю, полупустой солдатский рюкзак. Ноги в данный момент определённо проветривал, так как дырявые, словно сито, сапоги стояли порознь неподалеку. Правильней будет заметить то, что проветривал солдатик одну ногу, а вторая культей торчала в другой штанине, завязанной узелком. Более того, в данную предобеденную пору, солдатик черпал из худого кисета последнюю горсточку махорки и забивал остатки в прокопчённую деревянную трубку.

– Эх, закончилась родимая, – вздыхал служивый. – Теперь будем бамбук курить или ботву картофельную... Ну почему мне так не везёт? У других вояк по-любому сыщется напарник с полной папиросницей или начальство поощрит полным мешочком ядрёного. Один я, как сирота казанская, всю дорогу объедками да остатками перебиваюсь.

– И у меня как назло с собой нет, – порывшись по карманам, отчебучил писатель.

– По тебе видно, – ни капельки не усомнился на этот счёт вояка.

– Послушай, солдатик, я являюсь лицом гражданским, и лицо это в данный момент претерпевает лихо, а значит, нуждается в помощи, – передёргивал писатель. – Заблудился, видишь ли... Будь другом, выведи меня отсюда, а уж там будет тебе и табак, и если понадобится, то и водка. Всё, чего пожелаешь...

– Проклятье какое-то! – продолжал ворчать солдатик. – Вот бы повстречать того писателя, который меня выдумал. Уж я бы его оприходовал своим поленом... Я бы его своим деревянным протезом раскатал на тесто пельменное... Он бы у меня набух от вмятин по самую маковку... Сам посудите: у других писателей, что ни солдат, то герой или полководец. Полевая кухня таскается за такими, как аудитор за бухгалтерией. Ордена и медали обмывают из сол-

датского котелка, под завязку наполненного спиртом. Пока нет атаки, солдат у других писателей отсыпается, с женщинами резвится. Кормят его, защитника, от пуза, пылинки с него сдувают. Бодрят его славой предков да стремлением праведным... А как бой, так солдат в числе первых в атаку. Мастерство проявляет ратное, смекалкой своей противника насмерть разит. По выслуге лет таких солдатиков ждёт пенсия особая, уважение и почёт ветеранский. Мальчишки за ними толпами шатаются, истории сражений клячат. «Горе побеждённым» – не про нашего солдата сказано. Наш солдат до мозга костей великодушен. Сам противника ранит, сам же его потом перевязывать и бежит. Буржуины бились, бились, да сами разбились! Вот оно как бывает! Простой Мальчиш – и тот в героях. Буркнули значит ему, буржуины, вопрошая: «Нет ли, Мальчиш, тайного хода из вашей страны во все другие страны, по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются?» А он им кукиш на постном масле вместо ответа. Как пришли буржуины пустыми, так ни с чем назад и вернулись. Утёрлись, что говорится, по полной. – Нет, Главный Буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо и смачно плюнул. Есть говорит – тайна, а не скажу! И погиб Мальчиш-Кибальчиш... И в лютой панике тикал отжученный под хвост и в гриву – Главный Буржуин. Громко проклиная эту страну с её удивительным народом, с её непобедимой армией и с её неразгаданной Военной Тайной. А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зелёном бугре у Синеи Реки. И поставили над могилой большой красный флаг. Дальше, я думаю, ты сам прекрасно знаешь: плывут пароходы – привет Мальчишу! Пролетают лётчики – привет Мальчишу! Пробегают паровозы – привет Мальчишу! Вот это я понимаю – подвиг так подвиг! Такая вот петрушка с этими мальчишами! Ну а как взрослого солдата возьми?.. Слава о нашем солдате по всему миру вперёд него шагает. Ещё до столкновения с нашим солдатом, неприятель уже морально опустошён и раздавлен, а в уме проиграл и сдался. Тысяча примеров, а им хоть кол на голове чеши. Всё равно для чего-то лезут. Нашего солдата можно только обдурить, но победить в честном бою – невозможно! Да чего это я разошёлся, в самом-то деле? Ведь не про меня всё это. То у других писателей. Это Борис Васильев позаботился о своём герое. «Человека можно убить, – говорит защитник Бреста, лейтенант Плужников, герой произведения, – но победить нельзя». Разве можно с этим поспорить? Или умница Константин Симонов с его пронзительным неповторимым «Жди меня, и я вернусь...», которое поднимало народный дух на недостижимую высоту. Такой дух невозможно убить. Вот что значит сила слова! А Александр Твардовский с его Василием Тёркиным? Чего стоит одна только глава «Орден», где бравый солдат представляет, как завоюет сердце какой-нибудь красавицы, заявившись на гулянья в сельском клубе. Читая строки поэмы, о Василии Тёркине, невольно смеёшься сквозь слёзы... Ах, сколько таких вот славных парней полегло на поле брани... Про «Слово о полку Игореве» я уже и вовсе молчу. Стяги червлёные с белою хоругвью! Оратаи жизненного поля! Каждому врану в конце по ворону... Всем остальным слава! Все в сытости к этой славе пришли. Как вам, а? С такими песнями, да на Бонапарте. Сущи глупый Наполионишка! Нашёл на кого батон крошить. А под стягами грифонами покрытыми, сколько доблести было ухвачено... Одному Создателю ясно. А я, как маразматик, по лесам шатаюсь, да ещё будто первого мало, на одной ноге. Ни единого малюсенького сражения в жизни не видывал, а форма уже вся облупилась. За каким-то лешим нацепили на меня эти ужасно неудобные для ходьбы по лесу зимние панталоны из белого сукна... А кожаные краги с латунными пуговицами, пришитые к панталонам, на кой? Вероятно затем, чтобы зверьё лесное смешить, не иначе... От меня завсегда зверь не от страха шарается, а от смеха. Обо мне уже и анекдоты щекотливые складывать начали. Всё как принято, сначала шутком гороховым выставили, затем анекдоты. Пойди, поспрошай, если не веришь. Можешь хоть ты мне ответить: для какой цели меня выдумали?

Писатель стоял и слушал с раскрытым ртом. Опять двадцать пять. Так это ж его солдатик сидел и сетовал на судьбу. Он самый, бывший шишкарь, призванный на службу случай-

ным образом в мирное время. Кстати, из недописанной повести. Точнее даже из едва начатой. Не завязалось тогда у писателя с вдохновением. Не успел начать, как бросил и забыл. Как раз тогда бросил, когда солдатик отправился в лес за сухой хворостиной.

– Гм... Прямо не знаю, что и ответить, – растерявшись полностью, пробормотал писатель. – Недоразумение какое-то...

– Ты действительно так думаешь? – поднял вверх правую густую бровь солдатик. – «Недоразумение» – не то слово. «Бред сивой кобылы», здесь лучше подходит.

– Соображений по сложившейся ситуации у меня и самого с гулькин нос, – присаживался напротив солдата писатель.

Солдатик тем временем тщетно пытался добыть искру при помощи огнива. Как назло ничего не получалось. Тогда служивый дабы прикурить, вытащил из костра горящую головешку и попробовал прикурить через неё. Прикурить-то прикурил, да вот беда – обжёгся. Опять писателю пришлось выслушать гневную пятиминутную тираду в свой адрес. Опять ему крепко прилетело трёхэтажным. Затем на полянку через кусты выскочил не менее восхитительный персонаж. То был то ли лавочник, то ли коробейник без короба, а может, и вовсе заплутавший купчина. На пузатом бородаче сидел белый фартук и нарукавники, как будто он только что вышел из-за стойки своей лавки. Сапожки, не в пример солдатским, были добротными из сыромятной кожи пошитыми, а штаны и фуражка имелись целыми и невредимыми да вдобавок чистенькими. Самой интересной же особенностью появившегося индивида явилось то, что он был напрочь лопухим. Натуральный пример! Уши пузача располагались по отношению к голове под углом в девяносто градусов. Такими лопухами если научиться махать, то очень удобно, наверное, комаров отгонять да в знойный день создавать прохладу. Более того, на каждом огромном локаторе имелся у новенького сатиров бугорок.

– Во! Вот ещё одна жертва абсурда, – указывал солдатик в направлении появившегося. – Бакалейщик без бакалеи...

Бакалейщик между тем устало доковылял до котелка, достал из-за пазухи два здоровенных отборных боровика и ножик да принялся крупно крошить грибы в шипящий бульон. Завершив поварской ритуал, бакалейщик хитрыми и умными глазками смерил писателя да присел рядом.

– Поди ж ты! В такой дремучей пуще и вдруг такой фронт, – лукаво заходил издалека бакалейщик. – По грибы али по ягоду в наши места? Быть может, по каким другим заготовкам?

– Да ну ты брось! Какие грибы? Какие ягоды? Совсем от своего лишая ополоумел? – перебивал купца служивый. – Завязывай уже по себе мерку снимать да на других натягивать. Очевидно же, перед нами человек с разгулявшимися нервишками. Ручаюсь, что его за пьянку выгнала из дому жена, и он теперь в лесу попросту ищет место, дабы повеситься...

– То, что тебя писали с вороны, сомнений не вызывает никаких, – парировал, прищурившись, бакалейщик. – Каркаешь чисто, как окраской сероватая, повадкой – вороватая, причём и днём, и ночью без перерыва на обед. И как только тебе не надоест? Ладно, про тебя уже давно всё ясно. Вопрос, кто и для чего написал его? – Тут бакалейщик переключился на писателя. – Позволь поинтересоваться родом твоей деятельности... Какое мастерство по написанному имеешь в ведении? На каких деяниях благоденствуешь?

– Ну, зачем ты, «купи-продай», споришь? Ты для начала на руки его глянь... Ни единой мозоли, – пыхтел трубкой солдат. – Ремесло и этот человек – всё равно, что с открытой душой держать камень за пазухой. Разве не очевидно, что его просто так написали? Для количества, для массовки, для показухи на худой конец. Просто чтобы был!

– В очередной раз, мой друг, ты облажался чуть более, чем полностью, – не мог успокоиться гибкий, как позвоночник, лавочник. – Таким, как ты, всегда невдомёк очевидные, просто азбучные, истины. Разве в состоянии кто-нибудь появиться в волчьем угле наобум, в обход вре-

мени, да ещё и как ты изволил выразиться, «просто так»? Ты внимательнее-то к нему приглядишься... Сердце храброе – сразу видно. Воля несгибаемая, яко дамасская сталь. Разум чист, как горный хрусталь неподдельный, а рука быстра, точно стрела индейца... И, по-твоему, такого написали до кучи? Нет, дружище, всё не так просто, как кажется. Не удивлюсь, если выяснится, что этот щеголь с самим чернокнижником и его лиходеями шашни водит да замыслы тёмные венчает... А может и наоборот: тайным агентом в жандармерии числится... Всякое может быть ибо, быть может, всякое.

– Да успокойтесь вы оба, – неожиданно встрял писатель. Во время всей перебранки писатель лихорадочно соображал, что бы такое ответить и вот, наконец, выдал: – Флористом меня сочинили на мою беду. Цветочки всякие по призванию должен выращивать, кустики подстригать... А мозолей оттого и нет, потому как подобно вам очнулся в глухой тайге. Вот, хожу теперь, полянку какую высматриваю. На полянках ведь тоже цветочки имеются. Может хоть за ними поухаживать приведётся...

– Ни единому слову не верю! – затряс своим кочаном вправо-влево бакалейщик.

– Ты мне порядком надоел, – возмутился солдатик. – Меня месяц проверял, теперь к этому бедолаге полгода цепляться будешь...

– Если кому-то нравится, что его водят за нос, то могу и помолчать, – надулся бакалейщик.

С бакалейщиком вообще происходила какая-то неразбериха. Если с остальными писателю рано или поздно становилось ясно, кто они такие и откуда взялись, то по бакалейщику сознание упрямо молчало. Как если бы никогда о таком писателе не слыхивал и думать не думал. Местами казалось, эхолотами своими бакалейщик за версту улавливает малейшие вибрации вранья, а хитрыми глазками сквозь грудную клетку видит учащённое сердцебиение. Шутки ради решил писатель проверить свою догадку. Тихо-тихо, себе под нос шепнул: «Бакалейщик – дурак!» А сам при этом пристально глядел на объект эксперимента. О чёрт! Чётко заметил писатель, как во время произнесения фразы, одно правое блюдце бакалейщика напряглось и, дрогнув, ещё сильнее поворотилось в сторону шептавшего. Глазки опосля ругательства на свою персону у обозванного тут же принялись наливать кровушкой, отчего стали ещё ехиднее. Со всей уверенностью констатировал для себя писатель непреложный факт – эксперимент удался!

* * *

По полю, заснеженному спелым хлопком, причудливо петляла набитая телегами и всякими повозками дорожка. В одну сторону широкое поле протянулось до самого горизонта, по другую сторону где-то вдалеке плавно перетекало в маковые посевы, отчего ярким контрастом переходило с белого цвета на красно-фиолетовый. До маковой части было около трёх вёрст, а солнышко в зените раскалилось так, что хоть ложись и помирай. И ни единого намёка на тенёк, ни единого позывного сигнала от дающего прохладу ветерка. Красота и муки – два в одном. Только совсем далеко, там, где заканчивались покрывала снотворного мака, являющегося атрибутом самих Гипноса и Нюкты, едва различались верхушки первых редких колков. В направлении спасительной тени по дорожке двигалась интересная троица. Троица отнюдь не собранная призывом «Третьим будешь?», а совсем иного плана... Можно конечно предположить, что встретились три одиночества – ни имени, ни отчества, но и это будет неверным предположением.

Так вот, брели в тот час по полю, непонятно в честь чего, поп, раввин и имам. Внешний вид каждого заслуживал отдельного описания. Так, например, поп походил своими пропорциями скорее на бильярдный шар, нежели на человека. Натуральный глобус по имени Эрта с приклеенной на верхнюю часть бородатой головой, которая почему-то имела невероятное сходство с головой отца Ануфрия. Ряса попа, свисая с его шарообразного тельца, полностью

прикрывала ноги, как будто бы их и вовсе не было, и сам поп от этого казался плавно парящим над землёй. Бросался в глаза огромный драгоценный крест на груди, и казалось в какой-то из моментов, поп, подобно футбольному мячику, запрыгает по имеющимся в избытке кочкам да канавкам. За ним, рядышком пристроился тонкий, словно трость, раввин. Таких раввинов за таким попом без сомнения можно спрятать тысячу, и ни один не будет торчать за фигурой служителя.

Ребе семенил в абсолютно чёрном костюме, и в такую-то жару нацепил на голову чёрную широкополую шляпу. Вот борода и пейсы подкачали... Имелись в наличии – это верно, но цвет кучерявых волосиков вместо угольного был рыжим от кончиков до самых луковиц. Третьим по списку, но вторым по величине, предстал пёстрый имам. Чапан муллы раскраской своей походил скорее на оперение амазонского попугая, чем на строгий кафтан священнослужителя. Чалма от жары скатывалась набок, а сапожки с острыми закрученными вверх носками от долгой ходьбы расхлябались и теперь внутри себя производили мозоли, взяв себе за оправдание закон трения. Тоненькая острая бородка и усики имама на манер крыльев ласточки лишь подчёркивали злое выражение карих глазок, а непомерно раздутые щёки оттеняли и без того читаемую надменность. Такая вот убийственная компашка. Ни дать ни взять.

– Только так с рабами божьими и надо! Только так – и никак иначе, – лениво моросил созревший вусмерть поп. – На то они и рабы! Добровольно от них не то, что пожертвования, а и простой благодарности не схлопочешь... Вот и приходится, пользуясь исповедальными секретами, сеять смуту да нагонять страху, плетя подковёрные интрижки...

– Сие мудро, как жизнь и время! – согласительно кивал раввин. – Гоями кнутом и пряником распорядиться писано в святых писаниях. Причём кнута должно быть в семь раз больше пряника. Информация об этом закодирована в нашем семисвечнике. С синагогской публикой всё гораздо проще. Мои верноподданные кудряши спаяны национальным эгрегором сызмалу, точнее, с пелёнок, да так плотно сидят на крючке своей исключительности, как ни один заглотивший «червя» глупый карась.

– Иншаллах! – задыхаясь, попевал за своими собратьями мулла. – Вот бы сейчас бульончика горячего чебуречного испить, да закусить шакер-лукумом... Надоела эта нескончаемая рыхластая дорога! Боты постоянно так и вязнут в песке. За каким шайтаном мы вообще по ней прёмся?

– Действительно!.. – вдруг застыл на месте поп. – Чешем – куда не ясно. Зачем? Тоже неизвестно... Странное дело, и как это мы раньше над этим не задумались?

– Чего ты постоянно удивляешься, как солдат гонорее? – погладил рыжую бородку ребе. – Сказано же голосом сверху: «Валите кулём, потом соберём!» Вот мы топаем и топаем, а заодно и валим... Одно ясно: неспроста всё это!

– Валлах! Вернее и не скажешь о наимудрейший из людей! Йахдикумулла, друзья мои, – подыгрывал раввину имам.

– Дорогу осилит идущий, – подмечал ребе. – Плохо, что католического капеллана забыли. С ним бы уж точно было веселее.

– Ага, веселее. Как же! – тут же насторожившись, парировал ревнивый поп. – Эти католики себя главней других ставят. Чего там у нас бог Ватикан? Правильно: один из детских богов, отвечающий за первый крик новорожденного. Этим названием весьма ловко приписывается себе первенство в сотворении нашего общего эгрегора.

– Приписывать можно чего угодно, только очерёдности это не изменит, – спокойно отвечал раввин. – А иерархическая лестница такова, что весь ветхий завет кишмя кишит дегенератами, садистами и извращенцами всех мастей именно еврейского происхождения. Затем их столько туда и напичкали, чтобы простые евреи пародировали поведение своих святых – то есть уподоблялись конченым психопатам. Так называемая ветхозаветная вера в святость порока в действии. Среднестатистический иудей всегда запросто может превратиться в Давида, Каина,

Иакова или допустим в самого Авраама. Для каких целей? Дегенератом всегда проще управлять, нежели человеком думающим да к тому же высокоморальным. Богоизбранные только мы, остальные верования есть производные от нашего, но писанные для холуёв. Потому для гоев-акумов нами заботливо и оставлено непротивление злу и покорность судьбе. Так кто главней: католик или иудей?

– Устами ребе глаголет истина, – подтверждал вышесказанное поп. – Вот только центр управления, как ни крути, в Ватикане.

– Аллаху а'лям! Братия быть может, отдохнем? До того неудобные для подобных путешествий сапожки достались... Сил нет терпеть. Скоро будет не нога, а одна сплошная мозоль, – жаловался мулла, которому действительно приходилось ту же, чем остальным.

– Так давно бы их снял, – советовал поп.

– Музыка для моих ушей всё сказанное тобою богобоязненный протоиерей, однако по написанному – не снимаются, – причитал мулла.

– Потерпи! До тенька всего пара километров осталась. Там и устроим привал, – на правах старшего распорядился раввин.

Неожиданно дорожка резко накренилась вниз да хорошим углом задала вправо. Поп буквально скатился вниз, несколько раз прокрутившись через голову. Ребе забавно попрыгал за ним, и лишь мозолистый имам мелкими шажками спустился в числе последних. Внизу вот какая картина открылась духовным пастухам: возле огромной лужи сидел и плакал простой русский крестьянин. Видна была и причина горя – рядом с крестьянином стояла распряжённая телега, возле которой валялась издохшая кобылёнка. Сам скобарь вместо рубахи, от крайней нищеты, нацепил на себя простой картофельный мешок, сделав в нём разрезы для рук и шеи. Штанишки беспорточника опять же являлись самодельными и несли собой подобие: мама сшила мне штаны из берёзовой коры. Естественно обут голодранец был в лапти. Святые родители вмиг обступили несчастного, сурово уставившись на того, кто перегородил дорогу. Тогда землепашец грустно поднял заплаканные глазки на духовенство и выдал следующее:

В степи, покрытой пылью брэнной,
Сидел и плакал человек.
А мимо шёл Творец Вселенной.
Остановившись, он изрек:
«Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу,
Я знаю много слов заветных.
Я есмь твой Бог. Я всё могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?»
И человек сказал: «Я – русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.¹

Реакция гопкомпании хотя и грезилась предсказуемой, но все же вышла не такой ожидаемой. Например, круглый поп от смеха принялся кататься по окружающему хлопку, отчего весь покрылся белым пухом. Тонкий, будто шпага раввин, от хохота сложился вопросительным знаком препинания и, казалось, что разогнуться ему не удастся уже никогда. Мулла, позабыв про свои волдыри, прыгал на месте, пока не надорвался и не свалился прямо на дорогу, где начал усиленно стучать по ней открытой ладонью. Все трое едва не подавились собственными слезами, но не от сострадания к бедолаге, а от дикого своего гогота. Наблюдая за подоб-

¹ Стихотворение Николая Зиновьева «Я – русский»;

ной истерией, крестьянин встал, широко расправил плечи, а выражение своей простодушной физиономии сменил с жалостливого на угрюмо-насмешливое. Выждав пару минут, пока его станет слышно, выдал ржущим пастырям следующий проникновенный стих всё того же замечательного поэта Николая Зиновьева:

Отныне всё отменено
Что было Богом нам дано
Для жизни праведной и вечной.

Где духа истины зерно?
Верней спросить: «Зачем оно
Людской толпе бесчеловечной?»

Итак, грешите, господа.
Никто за это не осудит.
Не будет страшного суда,
И воскресения не будет...²

– До греческих календ теперь не остыну, – поп хватался за свой необъятный живот. – Это ж надо так пошутить! Честное слово – едва не лопнул!

– О, сын Адама, ты состоишь из дней. Когда уходит день, уходит часть тебя, – мулла вышучивал крестьянина. – Странно?.. Феллах по какой-то дурацкой причине не стремится изо всех сил облобызать мои сапоги... Ей-ей: непорядок!

И лишь один ребе после второго стиха напрягся, а улыбка махом слетела с его змеиной физи.

– Ты на что это, разбойничья рожа, намекаешь? – злобно прошипел раввин.

Поп и имам тут же изловчились подстроиться под своего ведущего, причём как умом, так и сердцем.

– Дражайший ребе, не обращай своего глубочайшего внимания, – попробовал поп свести ситуацию на нет. – Очевидно же: этот межеумок пересосал молочка напрямки от бешеной коровки.

Крестьянин, между тем, не пал ниц перед священными особами, не кинулся целовать руку попу, не заползал на коленях, лупя челом землю, а дерзновенно оглядев братию, таким же тоном и отвечал. Отвечал, прежде всего, раввину.

– А ты вообще в курсе, что на Руси испокон веков рыжих считали детьми дьявола, да в случае чего дубасили, не задумываясь? Нет, не в курсе?.. Так я и знал! Скажу более: рыжим категорически запрещалось давать показания в суде и занимать управляющие должности. Ржавыми повсечасно брезговал любой нормальный род и ни за что, ни за какие коврижки, не принимал к себе. Так что, конопатый бес, пойдя прочь и голову мне не морочь, – выдав такое, крестьянин нахмурил брови и сжал кулаки.

– Вы слышали это? – взвизгнул ребе. – Ах ты каторжанская родовая! Напрасно тщишься доказать свою невинность путём передёргивания! Не удастся...

Совершенно не обращая внимания на вопли раввина, землепашец переключился на имама.

– Славненько, конечно, всё выглядит со стороны! Толпы единоверцев против часовой стрелки прыгают похлеще любого бабуина вокруг чёрного куба в Мекке... Забавное зрелище, не правда ли? Элохимов хоровод прямо какой-то получается. Если учесть то обстоятельство,

² Стихотворение «Вечный зов».

что чёрный куб во все века являлся сатанинской формацией в проявленном мире, зеркальным отражением самого Сета-Амона, то выходит вообще шикарная свистопляска. И оправдание себе выдумали – голова кругом пойдёт. Однозначно пойдёт кругом и именно против часовой стрелки. Мол, электроны движутся вокруг атома против часовой стрелки, планеты вокруг солнца тоже против часовой вращаются, рукава галактические – и те вокруг центра против часовой стрелки ходят. Значит, вся эта карусель шагает в ногу с вселенной, с самим Создателем. Хитро придумано – ничего не скажешь. А то, что против великого времени, точнее в обратную его сторону, так это пустяки – дело-то житейское. Конечно, можно наплевать на такие вещи, как рост всего материального по ходу времени. Часовая стрелка не в счёт. Вот только глупцам едва ли вестимо, что время – определяющий фактор эволюции, и когда оно движется по своему ходу, то несёт с собой развитие, а левостороннее время ведёт к энтропии. Задумайтесь сами... В юности время тягуче текло, в среднем возрасте оно уже едет, а далее и совсем побежит.

– Аузу билЛяхи мин аш Шайтан ир-Раджим! Кто будет защищать честь своего брата, того Аллах защитит в судный день! – растерявшись, имам искал поддержки у остальных. – Что этот неверный вообще себе позволяет? Посмел своими грязными устами изгвалять священный хадж... Я буду жаловаться местному беку...

– Твоя зона ответственности! Твоя паства! – пробурчал раввин попу. – Яснее ясного – холоп перегрелся, отчего полностью утратил связь с реальностью. Так может ты несравненный епископ его и остудишь?

– С превеликим удовольствием! Легко и просто! – зарумянился от такой чести поп. – Эй ты, святотатец, тебе кто разрешение давал рот разевать? Твоё дело, свинота необразованная, молча пасти скот да злаковые сеять, а в перерывах церковную десятину жертвовать. Кто тебя, юродивого, до всего этого надоумил? Быстро сознавайся, иначе не поздоровится!

– Ещё один воспитатель нашёлся, – устало махнул рукой крестьянин. – Губа не треснет, отчитываться перед тобой? Для начала объясни, кем тебе приходится святой Христофор, на всех иконах изображённый с собачьей башкой? Молчишь, надутый мочевого пузыря? Пёсеголовые, значит, у тебя за святых и мучеников, за друзей то бишь... Иль ты не ведаешь, кто такие псоглавы? А раз ответить тебе нечего, так и ты ступай к чёртовой матери со своей пёсией религией...

– Крест! – заорал поп так, что у окружающих напряглись перепонки. – Предъяви крест!..

– Что ж, это можно! Охотно предъявляю!.. Ставлю на тебе и твоих пегих дружках жирный крест, – хохотал на это крестьянин.

– Цыц, смерд! А ну, бегом стягивай портки! Я смотрю, добрый кнут давно не ходил по твоей простолудинской заднице. Сечь тебя будем, утупок. Двести плетей этому нехристу, – от ярости поп уже даже не краснел, а синел, ввиду чего стал походить на спелую сливу.

– С дуба рухнул? – ничуть не растерялся крестьянин.

– Вот что случается, если воли батраку отписывается сверх положенного, – ехидно подмечал раввин. – Вместо того, чтобы разношивать своему сюзеру сапоги на правый и левый, он нахальством своим, обогнув сто китайцев, возомнил себя способным мудрецов поучать... В колодец бы его за такое, да жаль рядом нет подходящего...

– Башковитость твоя не ведает границ... чистота помыслов твоих белее листа бумаги... непотопляемость твоих смыслов разнообразней осеннего натюрморта, а красота слога твоего затмит все свитки и трактаты по словообразованию поэтов запада и востока. Однако, любый сердцу моему, родимый ребе, не стоит забывать, что если шайтану будет выгодно, он запросто заговорит о Коране, – поддакивал имам.

– Это вы-то мудрость? – смеялся в ответ невольник. – Да в ваших пустых баклагах отродясь умной мысли не бывало! В них только ветер сквозной свистит, да мыши пляшут. Как иначе объяснить ваши заблуждения по таким вопросам как, например, единобожие? Для

начала не грех вспомнить, что все три авраамические религии³ привязаны к искусственно созданной единой эгрегоральной сущности – вторичному злу, которая именуется у вас «Единым богом». Хоть раз в жизни, постучалось в ваши «наимудрейшие» тюрбанами, тфилинами да скуфьями украшенные головы: почему Творец обязательно должен быть один? А ведь между тем единобожие, как явление, противоречит самой природе. К примеру, вроде бы единый белый цвет, как известно, имеет гамму из семи цветов, каждый из которых отвечает за свою частоту колебания. То же самое можно сказать об элементарных частицах. Их множество, и нет в мире одной универсальной частицы, из которой бы произошли все остальные. Откуда же тогда взялось понятие о едином Боге? Если попробовать включить рубильники, спрятанные под вашими головными уборами, то сразу станет ясно, что взялось это понятие от искусственного полевого образования, замаскированного раввинами и ксендзами под Творца. Оно такое на нашей планете действительно одно, так что всё честь по чести. То, что «богоизбранные» своё единобожие выпячивают как великое откровение, как что-то сверхреволюционное, открывающее человечеству дорогу к пониманию устройства Мироздания, не стоит воспринимать всерьёз. Потому как все вы: Исламисты, Христиане, Иудеи – самым бессовестным образом намотаны на локоть. А то, что до вас это никак не доходит – самая настоящая мелодрама. Все до единого – представители авраамических религий, на единобожии просто свихнулись и, как попугаи, надуманно пребывая в гуне благодати, твердите «Создатель один» да в этом оказывается суть мироздания. До вас никак не может дойти очевидное, так как оно одновременно является и невероятным. Все религии учат добру. Вот ваш повсеместный кусочек сахара политый ликёром. Однако если подумать, то становится ясно, что иначе они никак не смогли бы связать людей. Природа людская, видишь ли, иная чем вам бы хотелось. Потому сатанисты и клепают зло всегда из самого светлого.

– Пора надевать шапочку из фольги! – взвыл имам. – Иначе моим мозгам грозит закипание.

– Не перебивай! – строго поглядел на него крестьянин и продолжил: – К чему ведёт подобный фанатизм? Прежде всего, он ставит в тупик физику микромира. Потому что поиск единой формулы поля – всё равно что попытка одной математической функцией описать все звёздные миры галактики. Такое выражение всё же имеет место быть, вот только если в него будут введены данные многих триллионов функциональных зависимостей звёзд и планет всей галактики. Понятно, такое выражение под силу только высшему разуму, состоящему из множества полевых структур, базирующихся на вакуумном потенциале банка данных о свойствах материи. Вывод напрашивается неутешительный. Получается, все авраамические религии посредством своего «единого Бога» призваны парализовать науку, которая могла бы объяснить человечеству устройство Мироздания. Как итог: культы эти запирают цивилизацию на планете. Чёрными душами сделано всё, чтобы люди не могли понять, как устроен физический вакуум, и не догадались о свойствах многомерного пространства. Ведь тогда человечество выйдет за рамки дозволенного, и начнёт посещать другие миры. Тогда управлять им станет невозможно, оно разберётся со своим прошлым и обретёт будущее. Пора бы уже таким отпетым бездарям как вы осознать, что существует только одно единство. То самое, которое в бесконечном многообразии. Другого нет и не будет. А простые иудеи, мусульмане и христиане, несчастнейшие из людей – все они жертвы обмана и рабы злобного эгрегора, который никаким Богом естественно не является. Об этом говорил ещё Иисус Христос, смело называя вещи своими именами. Если быть точнее, то иудейского Иегову поносил Иисус – лжецом и отцом лжи. Точнее и не скажешь! А остальные что? Разве католики или протестанты поклоняются другому богу? Все они почитают ветхозаветного Яхве-Элохима. Другого Бога у них нет. От Элохима, кстати, произошло название «Аллах». Вот вам и все ваши религии. Теперь отличие нашего

³ Авраамические религии – монотеистические религии, происходящие из древней традиции.

от вашего. Наш славянский Род совсем другое дело. Слово «Род» говорит само за себя! Род – это совокупное сознание всего материального и духовного, в том числе и всех видов разумных существ во вселенной. Единство, которое соткано из бесконечного количества множеств. Именно поэтому мы все являемся частью Творца, а он повсюду. А что ваш Иегова или Сет-Амон? Разница есть? Разница бесконечна.

– Братва! Да перед нами язычник поганый! Перед нами злейший враг! – злобно прохрипел ребе, едва крестьянин успел закончить.

– Суждения твои, о свет очей моих, драгоценный ребе-джан, по мощи своей и широте размаха, сравнимы разве что с узорчатым гобеленом вселенной. Мне этот ханыга тоже сразу не понравился, – плевался и икал имам.

– Поначалу и мне казалось, будто просто блаженный поблажит немножечко, да, зараза, успокоится... Мол, ничего страшного, – выкашливал каждое слово поп, а у самого бельма выкатились из глазниц и покрылись сеточкой покрасневших сосудов, как если бы поп не спал трое суток, да к тому же бражничал. – Не тут-то было! Теперь всё встало на свои места. Натурально перед нами подвижник ордена Гора-Рарога и подвижник этот уже давно как дышит в долг.

– А ведь я знал! – хитро улыбался на это крестьянин. – Прекрасно знал, что поиск истины неизлечимых имбецилов и эгоистов волнует меньше всего. С такими, как вы, бессмысленно спорить. Для вас истина – исключительно то, что вы сами выдаёте. Самодуры вроде вас всего-навсего тем и заняты, что везде и всюду навязывают свою убогую точку зрения да сеют смуту. Отсюда, между прочим, и ваше внешнее корявое уродство, ведь внутренний мир человека всегда отражается в его внешности. У дегенератов повсеместно всё наоборот, белое – это чёрное, а чёрное – это белое. С ног на голову в мозгах, да и в штанишках зачатую тоже. Поэтому всякая чухня для вас кажется значимой вещью, а всё значимое – чушью... Так называемый феномен Даннинга-Крюгера в действии. Слыхали о таком? Хотя кого это я спрашиваю!.. Заключается он в следующем: сплошь и рядом попадаются людишки, тупые настолько, что не в силах осознать своей собственной тупости. С такими работать – бесполезная трата времени. С такими убеждёнными идиотами, стоит только завести беседу, волей-неволей сам отупеешь. Пробуя их исправить, научить чему-то, вы способны только навредить им ещё сильнее. Сделать ещё глупее. Вот вам и справедливый во все века фразеологизм, взятый из нагорной проповеди: «Не стоит метать бисер перед свиньями». Есть у него и продолжение: «... чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Всё доходчиво объяснил? Ах, да! Забыл совсем. Я же именно тем сейчас и занят, что разбрасываю бисер... Чёрт побери... Как раз перед свиньями... Другой рецепт для вас сгодится. Лечиться вам необходимо, милостивые государи. Не где попало, а на какой-нибудь психушной даче да с каким-нибудь именитым профессором во главе. И чем скорее, тем лучше.

Договорить крестьянину не дали. Отцы-подлецы устали терпеть подобные принижения, ввиду чего по команде раввина стали землепашца окружать.

– Ну, держись, фи́га марокканская, – напирал с правого фланга мулла. – Под корень укоротить язык сказителю-вредителю! Слезами горькими сейчас умоешься, паскуда!

– Допрыгался, смерд?! – поп наваливался прямо в лоб. – Сейчас мы махом покончим с таким воспалённым и запущенным аппендиксом как ты. В труху сыпучую нашинкуем.

– Правильно, – ребе-джан подначивал остальных. – Такой срез общества нам без надобности. Живо вяжите этого крамольного чревоушателя, а уж там разберёмся, с какими злыми духами он на короткой ноге якшается.

Призыв раввина в данную минуту был нужен, как алкашу повод выпить. И без призыва набросились духовники на оборванца, да для начала принялись того лупить, словно садист-второгодник младшеклассника, отказавшегося подчиняться. Вдоволь наподдавав пинков да затрещин, бедолагу начали запрягать в его же телегу. Прочными джутовыми верёвками стя-

нули по рукам и шее, а для отведения оглобель от превратившегося в гужевого, двуногого по старинке использовали дугу.

– Битый ишак бежит быстрее лошади, – стебался мулла во время запрягания. – По всем канонам шариата повинен казни лютой.

– За одного битого двух небитых дают, – соглашался поп.

– Не ной! – злорадствовал раввин. – На то и бьют, чтобы больно было. Чтобы битый пёс догадлив стал.

Вся троица поводырей с нескрываемым восторгом забралась в телегу. Звонко рассекая воздух, свистнула плеть. Тронулись.

* * *

– Но!.. Но!.. Пошёл! – орал громче остальных поп, в который раз заноса плеть над истязаемым. – Резвее, ленивая твоя задница! Пошевеливайся! В конце пути тебя ждёт отличный сноп сена в качестве награды.

– Голь перекатная позабыла своё место на этой грешной земле, – жужжал рядышком имам подобно майскому жуку. – Ничего, мы ей напомним...

– Шаныга подорожная, а туда же, – язвил раввин. – Цепочки из фальшивых притязаний удумал выстраивать. Гляди-кась, какой правильный нашёлся!

Крестьянин, никак не реагируя на эти враждебные выпады «божьих» деспотов, знай себе тянул аркан, наброшенный на его шею. Тянул молча, даже зубами не скрипел. Казалось порой, что ему и вовсе по душе данная катавасия. Так, обливаясь потом, был преодолен первый километр, а за ним и второй. И вот, на рубеже границы хлопкового и макового полей, тяговое устройство вдруг снова посмело расширить пасть и печально запело:

Рождаясь, человек всегда страдает.
Ещё сильнее страдает человек,
Когда на склоне лет дух жизненный теряет.
Когда к концу подходит его краткий век.

Совсем страдает, если умирает,
И в середине между тем и тем – страдает.
Страдает, а «за что?» – не понимает,
А сам в ту пору словно свечка тает.

По существу, причины всякие бывают:
Рождаясь – узел прошлой кармы ослабляет,
Грехи из прошлой жизни как бы отмывает.
Когда от старости с косою старуха забирает,
То новый справный узел им завладевает.
А в середине глупость, водрузив на пьедестал,
Упрямо новый рок, он сам себе петляет.
Круг замкнутый, за разом раз даёт повтор,
Ярмо, проверенное временем – затор.

Есть у сестрицы эволюции один приём,
Его художник всемогущий нам нарисовал огнём,
Что выход есть: сойти с избитого пути,
И чехарду страданий из себя снести.
Здесь знание причинное тебе в подмогу,

Не зря оно открыто людям Богом.
Достаточно всего за кромку зацепиться,
В обойме ты, назад уже не возвратиться.

Когда мы Мирозданье с любопытством познаём,
Поверь: внутри себя мы обязательно растём.
Вот где страданию закроются ворота,
Дела иметь с бесчувственным к нему,
Страданью вроде не с руки да неохота.

На этот раз весельчаки – религиозные деятели, не опрокинули телегу от взрыва хохота, а молча выслушали и молча же проглотили. Один лишь поп не удержался и передразнил землелепашца уже своим стишком:

Греховоднику ослу – Анафему! Анафему!

Крестьянин лишь усмехнулся и далее замолчал. Тем делом, петлявшая дорожка уткнулась в перекрестье. Что за чудеса? По одному из притоков тропы двигалась молодая бабёнка с коромыслом через плечо. Подойдя ближе, выяснилось, что это была соседка крестьянина – Сдобушка, она же бабёц хоть куды. К своим неполным двадцати годам, Сдобушка вымахала в такую дурнину, что легко и просто разоряла гнёзда шершней голыми руками, перешибала ладонью пополам бревна с одного удара, с рогатиной ходила на медведя, а ноги брила топором – одним словом являлась грозой всех деревенских мужиков. Вот и сейчас предстала Сдобушка с коромыслом, на котором болтались отнюдь не обычные вёдра, а сорокалитровые алюминиевые фляги, причём само коромысло, подобно пушинке, тащила девица всего на одном плече. Угадали ведь двадцать лет тому назад родители с именем. Недаром говорится, как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Сдобная получилась Сдобушка, чего греха таить. Буквально на лбу у Сдобушки было прописано, что она Сдобушка. Кровь с молоком – ещё мягко сказано. Клубника в сметане тоже чересчур ванильно. Сталь поджаристая больше всего подойдёт, но и это определение до конца не раскроет весь термоядерный потенциал девицы. Так вот, увидав подобное зрелище, Сдобушка застопорилась как вкопанная.

– Тпру-у-у! – раввином была дана команда остановить телегу.

С минуту Сдобушка соображала чего-то, а затем выдала следующее:

– Эй, соседушка, ты куда это библейский проект тащишь?

– Ещё одна! – недобро блеснул огонёк в глазах ребе.

– В юбилейный раз повторяю вам: не туда мы путь держим, – с испугом косясь на Сдобушку, пробормотал мулла. – Похоже, что заплутав, мы попали-таки в те самые коварные земли, где проживают Гоги и Магоги, среди которых нет ни единого верующего. Святой Зулькарнайн отделил народы Яджудж и Маджудж от всего остального человечества непреступной стеной – милостью Аллаха. С тех пор эти насылающие порчу племена перегарычей и опохмелычей не могут вырваться наружу, а другие люди не могут проникнуть к ним. Правят этими племенами не мурзы и бай, как положено, а некие Аль-Мариду – джинны-гиганты с огромными телами. И вот судя по всему, шайтан запутал наши дороги так, что мы оказались аккурат на проклятых землях... Неужели пришли те времена, когда стена пала? Вах! Вах! Вах! Чует моё сердце: секир башка нам тут делать будут...

– Куда-куда... Навстречу радуге-дуге! – отшутился меж тем землелепашец, отвечая своей соседке.

– А чего не наоборот? Ты в телеге, а библейский проект в упряжи, однозначно смотрелась бы со стороны не в пример лучше, – зевнув, Сдобушка проглотила пчелу.

– Ты не понимаешь, – терпеливо давал разъяснения землелепашец. – То я их тащу куда надо, иначе будет задавать направление они. Чуешь разницу?

– Что за хрень опять происходит? – насторожился поп.

– Врёт, как утка, – отвечал ребе. – Никуда он нас не тащит. Точнее тащит в тенёк на привал. Там его и предадим в руки святой инквизиции.

– Живой сундук правду говорит? – недоумевала Сдобушка.

На это крестьянин лишь пожал плечами. После чего, с пару секунд что-то обдумав, все же ответил:

– Всё, что говорит рыжий, можно смело делить на три! Тебе ли не знать?

За такой дерзкий ответ поп не выдержал и что есть силы раскрутил в воздухе плеть. Конец нагайки пронзительным щелчком рассёк мешковину, а за ней и плоть на хребте земляпашца. Крестьянин вздрогнул, от боли согнулся, но лицом вида не подал и даже не моргнул. Зато у Сдобушки тут же стали наливаясь ненавистью её круглые глазки с длинными пышными ресницами. Тупиковую, казалось бы, ситуацию неожиданно разрубил пронзительный вопль из ближайшего берёзового околка. Все разом на звук обернулись – из кустов вынырнул человек в лохмотьях и с призывом: «Помогите!» – бросился бежать сквозь поле прямо к стоящим в изумлении противоборствующим сторонам. За человечком выскочил какой-то лопухий пузач с суковатым дрыном в руках, а уже за ним одноногий солдатик, прыгающий на одной конечности да с протезом в качестве оружия на плече.

– Брешешь! Не уйдёшь! – орал ушастый.

– На тебя вся надежда, – кричал пузачу солдатик. – Мне на одной ноге по полю нипочём не догнать.

– Помогите! – вопил преследуемый, пока не подбежал вплотную к телеге.

За ним приблизились и догонявшие. От увиденного все разом остановились, да целиком и полностью абстрагировавшись от своей ситуации, переключили внимание на ситуацию, предъявленную духовенством. Первая реакция последовала секунд через пятнадцать, и разительно отличалась у каждого новоприбывшего. Так, первым очнулся от морока длинноухий бакалейщик. Этот индивидуум бросился к телеге со стороны попа на колени и принялся на глазах у всех лобызать попу руку. Поп довольно погладил купца по головке да потрепал за ушко, словно ласкового домашнего щенка. Далее эти двое начали перешёптываться.

– Точно молишься? – строго спрашивал поп. – Видок у тебя какой-то не молящийся...

– А как же? Точнее не бывает, батюшка! Ежечасно! – податливо шептал бакалейщик.

– Смотри-ко, какая умница! Жду в воскресенье на исповедь с причастием, – благоклонно кивал поп.

– Непременно, батюшка! Всенепременно! – участливо соглашался ухоплан. – Мы уже и пост по такому случаю затеяли... Кагор распечатать думаем в субботу, аккурат к службе...

– Деньги при себе? – менял тему поп.

– Конечно, батюшка, всегда при себе, – непонятно чему радовался бакалейщик.

– Так гони их сюда, – креативничал поп. – Чего им у тебя впустую пролёживать?! Опять же таскать по лесам такую тяжесть, наверное, жутко неудобно. В лоне православной церкви они целее сохранятся.

– Ничего страшного, – давала о себе знать купеческая жилка внутри бакалейщика. – Мы бы и потаскали ещё немножечко. Грыжу бы от такого утяжеления точно не заработали.

– Не спорь, дитя моё! – огорчался поп, наблюдая за тем, как хвост пытается вилять собакой. – Клади сюда скорей! Сбрось с себя этот тяжкий камень.

– Конечно, батюшка, вот всё до копеечки тут, держите, – протягивал купец попу мешочек золотых.

– Подозрительно лёгок... – прищурился на дающего поп, взвесив мешочек в руке.

– Что вы, что вы, батюшка, всё на месте! Ни единого грошика для себя не утаил, – противно залебезил бакалейщик.

– Смотри у меня! Благословляю! – закончил беседу поп.

Другого рода реакция последовала затем от солдатика. Любезно выждав, пока поп и бакалейщик утрясут свои дела, а затем по достоинству оценив бесчинства, кои вытворяли «божьи» персоны над простым крестьянином, солдатик обул свою культю, да крепко встав наземь, подобрал рядом валявшуюся палицу. С тяжёлым взглядом двинул солдатик на телегу с одной стороны. С другого фланга его уже заботливо прикрывала вовремя подоспевшая Сдобушка. Эта особа заморачиваться не стала, а попросту сняла одну флягу со своего коромысла, превратив оное в грозное оружие. Затем вторую флягу Сдобушка принялась раскручивать на коромысле по своей оси, да заносить над головами Амонова жречества. И это всё одной рукой. Кошмар – да и только. И даже истрёпанный лесным бегством писатель не остался в стороне. Выставив вперёд себя кулаки наизготовку, да зажмутив глазки, писатель перекрыл тройке движение вперёд. Со всей дури обрушилась цистерна на телегу. В щепки рассыпалась телега, а под ней от удара образовалась приличная воронка. То начала Сдобушка работать по неприятелю. Тут же подскочил и солдатик, орудуя палицей как саблей. Опрометчиво бросились на врага, не подумавши. А святая братия явно в переделках бывавшая, тут же разлетелась сухим жмыхом по ветру. Не на шутку разошедшаяся Сдобушка вторым замахом метила в попа, так резиновый поп запрыгал на месте так, что за секунду ускакал за горизонт. Только солдатик попытался уколоть раввина, как тот закрутился волчком да подобно электрическому ледобуру для зимней рыбалки, словно раскалённый нож в масло, ввинтился в землю, после чего полностью под ней пропал. На поверхности осталась валяться только чёрная широкополая шляпа раввина. Оставался один имам, и имам этот, обратившись за помощью к Аллаху, тут же получил в подарок гоночного ишака под восьмым номером, а дальше гоночный ишак умчал муллу в родной кишлак.

– Знакомая песня! – хмуро выдал солдатик по исчезновению библейского проекта. – Всегда из-под самого носа улизнуть умудряются.

– Не посрамили честь русскую, – тяжело дышала Сдобушка.

Один лишь крестьянин не радовался победе, а казалось наоборот ему тяготился.

– Что же, что же, что же вы наделали?! Что же, что же, что же натворили? – хватаясь за голову, пропел землешапец.

– Не понимаю?! – недоумевал солдатик.

– Потому что как надену португею, так тупею и тупею, – совсем раскис крестьянин. – А должно быть наоборот. Вперёд меня понимать должен. Ты же элита! Воинское сословие!

– И мне не ясно, – вышла на передний край Сдобушка.

– Полугодовые труды насмарку, – продолжал горюниться крестьянин, сидя в пыли. – Такая работа и коту под хвост! Сколько сил было положено, чтобы заманить!.. Сколько, чтобы удержать!.. Ещё больше, чтобы всё правильно выстроить. Мышеловка считай, захлопнулась, как вдруг, откуда ни возьмись, нарисовывается вы, дьявол вас побери. Ну и чего теперь? Всё впустую! Я ведь, с Ивана Сусанина взяв пример, куда, по-вашему, тянул слепую веру? Подальше от люда простого... Заблудить... Измотать... Изжить... Ах, чего теперь говорить, всё пропало...

– Ну, прости, мы не знали, – попробовал залезть в разговор писатель. – Хотели как лучше, а получилось как всегда.

– Мы с тобой ещё до конца не разобрались, – строго осадил его солдатик.

– Да замолчи уже, – перебил его посмелевший писатель. – Кончилось ваше большинство.

– А ты чего свои уши как у пенса растопырил?! – вставал и отряхивался землешапец. –

Шпионишь, собака сутулая?

– Точно! – хваталась Сдобушка за своё боевое коромысло. – Он своими локаторами ведёт запись наших разговоров, дабы затем выложить их на исповеди да тем заработать себе причастие.

– Ребята, вы чего?! – пятился бакалейщик. – Ребята, честное слово, я с вами! Я ведь это по инерции к попу приложился. По-другому нас не учили.

– Будь проклят тот день, когда твой отец расслабился в твоей матери, – злобно прорычал землепашец. – Захлопни свои заражённые кривдой уста, иначе я за себя не ручаюсь.

– Солдатик, ну хоть ты скажи ему, – молил бакалейщик. – Мы ведь с тобой и Крым, и Рым прошли вместе, подчас из одной миски щи хлебали... На одних только перевалках Ветринских не одну собаку съели, чего уж об остальном гутарить...

– То было вынужденное совместное пребывание, – загадочно промычал солдатик. – Дело прошлое, а ты мне тоже никогда не нравился.

– Разрешите, я ему врежу? – рвалась в бой Сдобушка. – Моментально тогда очнётся и всё расскажет.

– Это завсегда успеется! Не торопись! – остановил Сдобушку крестьянин. – Да и метод не наш. Попробуем его интеллектом разговорить, быть может, и перековать удастся.

* * *

– Один философ как-то сказал: «Если человек живёт для себя, он не нулю равен, он отрицательная личность». Понимаешь, куда я клоню? – говорил крестьянин бакалейщику на биваке. – Цель твоих хозяев, прежде всего в объединении двух пустынь. Первой, той, которая образовывается в душах людей и второй, песчаной, в которую они хотят превратить планету при помощи техногенной цивилизации. Тебе оно надо? Вот лично тебе, что с того? Неужели так приятно шараться бухим по барханам в пятидесятиградусную жару, да к тому же самому являться пустым и мёртвым внутри?..

– Я как-то об этом не задумывался, – прозвенел в ответ купец, а сам для отвода глаз пустил скупую слезу.

– Вот те раз! О чём же ты мил человек, целыми днями тогда задумывался? – удивлялся землепашец.

– Исключительно о себе любимом, да об том, как ближнего повыгодней надуть, – грустно отвечал пузатый ушастик.

– Очень нехорошо! – осудительно покачал головой землепашец. – Очень!

– Какой-то ты не совсем обычный крестьянин, – задумчиво шевелил скулами солдатик. – Уж больно премудрый для простолюдина...

– Правильно подметил, – соглашался крестьянин. – Потому как в первую очередь я есть самый настоящий аристократ и только во вторую – оратай. А кто такой у нас настоящий аристократ? Арий сто крат! То есть человек самых высоких моральных качеств. Это уже потом так стали именоваться рабы по духу, но знать по происхождению. Изначально смысл слова был именно таким. А крестьянин пошло от слова христианин, а значит, ко мне никакого отношения данное обзывательство не имеет.

– Тогда всё ясно, – ничуть не удивился солдатик. – Дело в другом. Посмотри внимательно на этого ободранного дрища и ответь: кто он, по-твоему?

– На первый взгляд этот добрый самаритянин – хворый иждивенец, быть может, книжный червь или мыслитель какой... Мускулатура уж больно у него не развита. Прямо как у невесты молодой, – внимательно осмотрев писателя, выдал «крестьянин».

– Девица девице рознь, – вернулась из лесу с охапкой дров Сдобушка.

– Огромное спасибо! – иронично поклонился писатель на такую оценку.

– Точно – «Книжный червь»! Ещё какой книжный червь! – солдатiku так понравилось это сравнение, что перед тем как продолжить, он даже залихватски всплянул. – Пред нами тот самый сочинитель, который своими корявыми ручками всех нас и написал... Как вам, а?

– Быть того не может, – охапка дров так и вывалилась из рук Сдобушки. – Отличная новость... Просто новость дня! Будет теперь с кого спросить, почему все красны девицы –

длинные косицы, одна краше другой, от женихов отбоя нет, а мной старики непослушных детишек в колыбели пугают, когда спать убаюкивают.

– Служивый не выдумывает? – внимательно уставился на писателя аристократ.

– Похоже, что нет, – пожимал писатель плечами.

– То-то я смотрю: отчего со вчерашнего дня тёмные силы пришли в такое движение... Отойдём, пошепчемся? – предлагал земледелец.

– С радостью! – соглашался писатель. – Ты первый похожий на вменяемого, повстречавшийся на моём пути.

– Значит, испустил дух... Петух петушился, пока в суп не скрошился... – первым заговорил крестьянин, когда вместе с писателем они отошли в сторонку. – Давно окоченел?

– Точно не помню! Дня три вроде назад, – задумался писатель, отчего настроение плавно поползло вниз.

– Ну, ничего, и не такое бывает, – подбадривал землепашец. – Какое, однако же, изумительное совпадение... Впрочем, вся жизнь есть череда совпадений. Вот послушай, например, в 1848 году, мещанина Никифора Никитина за табуированные речи о полёте на луну сослали в селение под названьем Байконур. Как тебе?! Совпадение?.. Так что, дорогой мой мазурик, радоваться ещё надо что так! Ух, и будет теперь о чём поговорить! Рассказывай! Интересует буквально всё!

– А чего тут рассказывать? – насупился писатель, однако почесав макушку, всё же рассказал крестьянину свои невзгоды с самого начала.

– Да уж, дела наши скорбные, – обмозговывал услышанное аристократ. – Не мог подождать, пока эра Кали-Юги закончится? Потом бы и покидал земную сень смело. Не дадут теперь покоя чёрные: ты им походу как кость в горле. Как заноза в заднице.

– Чего ж им надо-то? – взволновался писатель.

– Стереть все твои фантазии, – подумав, отвечал крестьянин. – А с ними и всю память о тебе. Значит, и всех нас.

– Но погоди, ведь вы совсем не все мои персонажи, – замечал писатель. – Шельму бакалейщика, допустим, я отродясь не видывал. Тебя тоже, хоть убей, не помню. Со Сдобушкой провалы какие-то в памяти: то была, а то и не было её вовсе.

– Тут всё просто! – улыбался пахарь, как на именинах. – Те самые, за которых ты стопроцентно можешь поручиться, те со страниц повестей и романов собрались здесь в кучу и оттягиваются по полной. Вот те, о которых ты понятия не имеешь, в том числе и твой покорный слуга, все мы из неопределённого будущего. Точнее из ненаписанного. Как, такое, может быть, спросишь ты, конечно же, меня? Элементарно, Уотсон! Ведь идеи и смыслы-то никто не отменял. И неважно, что им не суждено было воплотиться. Более того, о существовании некоторых ты даже не подозревал. Гнездиться, хоть и в будущем, они от этого не перестали. Просто ты не успел их должным образом обрести и перенести на бумагу. Они не дозрели, к величайшему сожалению. Твои преждевременные кончины оборвали некогда текущий ровным строем поступательный процесс. Так что, друг ты мой ситцевый, из ненаписанного мы, из ненаписанного...

– Ладно, с этим более менее разобрались. Как быть с жуткими ночными визитёрами? Их что, тоже я выдумал?

– К сожалению, не ты, – стал более серьёзным крестьянин. – Эти, самые что ни на есть – настоящие. И прорываются они в твои фантазии извне. Кто наводчик – мне сразу стало ясно. Чернокнижник со своей свитой. А исполнители та самая нежить, что обитает в пекельных мирах непроявленной вселенной. Раз ты для нелюди и бесов заноза в заднице, то они уж, будь благонадёжен, постараются занозу эту извлечь. Тогда и нам всем хана. Управляют бесами кощеи, по-простому чёрные князья. Похоже, что один из таких и проник в этот мир. Извечный вопрос: как быть и что делать? Предвидя его, отвечаю сразу: с этими бесами поделаться ничего

нельзя. Энергопотенциал у тебя пока ещё не тот. Вот когда масса твоих читателей на земле перевалит за миллион, тогда смело в бой. Пока же – подготовка и ожидание. Но вот что мы можем, так это разобраться с наводчиком и его шестёрками, поскольку данный персонаж твой собственный, авторским правом закреплённый.

– Согласен, что делать нужно? – не думая, согласился писатель.

– Для начала его найти, а там по наитию что-нибудь да спляшем, – крепко жал писателю руку пахарь.

* * *

На общем собрании решено было искать логово чернокнижника всем вместе. Ни один персонаж не отпросился, и даже лопухий бакалейщик принял живое участие в обсуждении тактики и стратегии. Закончив праздновать лентяя, солдатик в числе первых вызвался в лес собирать хворост для ночёвки. Набравшись сил, к нему подключился и бакалейщик. Сдобушку коллективным решением назначили главным телохранителем писателя, а значит, от бытовых вопросов освободили. Крестьянин, между тем, занялся укреплением и защитой лагеря. Один писатель слонялся без дела – руки в брюки да совсем не знал, куда себя применить. Незаметно пролетел час за ним другой, по прошествии которого писателю приспичило отойти до ветру по малой нужде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.